

Оценка пространственного неравенства и экономической сегрегации в современных мегаполисах

Садыкова Х.Н.

Современный мегаполис представляет собой систему, в которой переплетаются экономические, общественные, социальные и пространственные структуры. Одной из наиболее актуальных и болезненных проблем современных крупных городов выступают феномены пространственного неравенства и экономической сегрегации. Исследование, в широком смысле эксклюзии имеет критически важное значение для разработки эффективных стратегий городского управления, направленных на создание инклюзивной, справедливой и комфортной среды для всех жителей, независимо от их социально-экономического статуса. Настоящая работа ставит своей целью комплексный анализ механизмов, форм и последствий пространственного неравенства и экономической сегрегации в современных мегаполисах, с фокусом на конкретные проявления этой проблемы в российской практике развития городских пространств. Выявленная проблема закрытых дворов, сегрегации по доходу, джентрификации и транспортной изоляции – это не разрозненные общественные феномены и не частные случаи, а системные признаки современных городских пространств в России, ведущей к распаду социального единства и сплоченности. Противодействие этим тенденциям требует от федеральных, региональных и городских властей не ситуативных мер, а выработка последовательной и долгосрочной стратегии, нацеленной на создание связного и социально справедливого городского пространства.

для цитирования

Садыкова Х.Н. Оценка пространственного неравенства и экономической сегрегации в современных мегаполисах // Дискуссия. – 2025. – № 8(141). – С. 134–140.

ГОСТ 7.1-2003

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Эксклюзия, социальная изоляция, бедность, неравенство, социальное взаимодействие, социальная фрагментация.

DOI 10.46320/2077-7639-2025-8-141-134-140

Assessing spatial inequality and economic segregation in modern megacities

Sadykova K.N.

The modern megalopolis is a system in which economic, social, public, and spatial structures are intertwined. Spatial inequality and economic segregation are among the most pressing and pressing issues facing modern large cities. Research into exclusion, in the broad sense, is critical for developing effective urban management strategies aimed at creating an inclusive, equitable, and comfortable environment for all residents, regardless of their socioeconomic status. This paper aims to comprehensively analyze the mechanisms, forms, and consequences of spatial inequality and economic segregation in modern megacities, focusing on specific manifestations of this problem in Russian urban development practices. The identified problems of closed courtyards, income segregation, gentrification, and transport isolation are not isolated social phenomena or isolated cases, but systemic features of modern urban spaces in Russia, leading to the disintegration of social unity and cohesion. Countering these trends requires federal, regional, and city authorities to develop a consistent, long-term strategy aimed at creating a coherent and socially just urban space, rather than ad hoc measures.

FOR CITATION

Sadykova K.N. Assessing spatial inequality and economic segregation in modern megacities. *Diskussiya [Discussion]*, 8(141), 134–140.

APA

KEYWORDS

Exclusion, social isolation, poverty, inequality, social interaction, social fragmentation.

ВВЕДЕНИЕ

Пространственное неравенство и экономическая сегрегация способствует фрагментации городского пространства, созданию социально и экономически изолированных пространств, что, отнюдь не способствует социальной сплочённости и эффективности социального взаимодействия. Пространственное неравенство проявляется в неравномерном распределении между различными районами города таких ключевых ресурсов, как качественное жилье, доступ к образованию и здравоохранению, благоустроенные общественные пространства, транспортная и инженерная инфраструктура. Экономическая сегрегация, будучи

его следствием и одновременно причиной, закрепляет это неравенство через механизмы рынка недвижимости, градостроительную политику и повседневные социальные практики, приводя к формированию «города для богатых» и «города для бедных» в пределах одной административной территории.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Пространственное неравенство и экономическая сегрегация отнюдь не являются новыми феноменами; они существовали в городах на протяжении всей истории, но в условиях глобализированной постиндустриальной экономики и доминирования неолиберальной парадигмы

в градостроительстве эти процессы приобрели новые, более изощренные и устойчивые формы: «*Социальное поведение во многом определяется географией, пространственной формой, которую принимает город. Одновременно любая пространственная форма должна рассматриваться с учетом развития социальных процессов*» [1, с. 9]. Если индустриальный город характеризовался сравнительно компактным расположением промышленных зон и прилегающих к ним рабочих кварталов, то современный мегаполис дробится на множество функционально и социально гомогенных кластеров: деловые центры (CBD), элитные жилые зоны, спальные районы массовой застройки, депрессивные промышленные окраины, зоны джентрификации и т.д. Известный западный исследователь Д. Харви одним из определений территориальной социальной справедливости указывает следующее: «*Механизмы (институциональные, организационные, политические и экономические) должны быть таковы, чтобы шансы наиболее бедных территорий были максимизированы*» [2, с. 147]. Основным драйвером социальной фрагментации в городе выступает рынок жилой недвижимости, в котором стоимость земли и жилья становится ключевым фильтром, определяющим возможности доступа к тем или иным благам городской среды. Граждане с высоким уровнем дохода концентрируются в районах с наиболее развитой инфраструктурой, благопри-

ятной экологической обстановкой и высоким символическим статусом, а домохозяйства с низкими доходами вытесняются на периферию, в районы с дешевым, менее качественным жилым фондом, ограниченным доступом к рабочим местам, объектам социальной сферы и культуры. Эта базовая экономическая логика находит свое воплощение в конкретных градостроительных практиках и моделях потребления городского пространства: «*С одной стороны, рынок недвижимости естественным образом привязан к территории; с другой стороны, он проявляет ряд своих характеристик и в социальном пространстве. Эта взаимосвязь физического и социального пространств выражается, в частности, в престижности одних территорий и не престижности других. Так же стоит отметить, что недвижимость, будучи воплощением экономического капитала, конвертируется и в другие виды капитала*» [3, с. 311]. Для систематизации многообразия проявлений данного феномена целесообразно ввести типологию экономического неравенства в городском пространстве – таблица 1.

Представленная типология позволяет перейти к развернутой аналитике конкретных проблем, порождаемых пространственным неравенством. Но перед этим представим виды сегрегации в городском пространстве – таблица 2.

Основной и наиболее показательной в повседневной жизни проблемой является феномен

Таблица 1

Типология экономического неравенства в городском пространстве

Тип территориального экономического неравенства	Сущность и механизм	Ключевые проявления
Жилищно-инфраструктурное	Неравный доступ к качественному жилью и базовой инженерной, транспортной и социальной инфраструктуре (школы, поликлиники, детские сады).	Массовая типовая застройка на окраинах с хроническим недовложением в инфраструктуру; ветхий и аварийный жилой фонд в центральных районах, заселенный малоимущими гражданами; закрытые жилые комплексы.
Экологическое	Неравное распределение экологических рисков и благ. Промышленные зоны, свалки, магистрали концентрируются в районах проживания менее обеспеченных групп.	Расположение промышленных предприятий и мусорных полигонов вблизи спальных районов; недостаток озелененных и рекреационных зон в районах с высокой плотностью населения и низкой стоимостью жилья.
Символическое и статусное	Закрепление за определенными территориями устойчивых социальных репутаций (престижные/непрестижные районы), что влияет на стоимость недвижимости и социальную мобильность жителей.	Формирование «брэндов» районов (например, «элитный центр», «спальный гетто»); стигматизация периферийных районов и их жителей.
Правовое и институциональное	Неравенство, порождаемое действием формальных и неформальных правил, ограничивающих доступ в определенные зоны города.	Режим закрытых кварталов (gated communities); приватизация и ограничение доступа к ранее общедоступным пространствам (набережные, дворы).

Источник: составлено авторами.

Таблица 2

Виды сегрегации городского пространства

Горизонтальная сегрегация	Разделение территории на однородные по доходу районы	Элитные кварталы против социального жилья
Вертикальная сегрегация	Дифференциация внутри зданий: элитное жильё на верхних этажах, социальное – на нижних.	Пентхаус – первый этаж
Инфраструктурная сегрегация	Неравный доступ к транспорту, здравоохранению, образованию.	Чем дальше от условного центра города, тем меньше услуг (это повседневный эмпирический факт)
Закрытые анклавы	Коммерческие жилые комплексы с ограниченным доступом для посторонних.	«Жилые комплексы с КПП и частной охраной.
Экологическая сегрегация	Распределение экологических рисков: промзоны и свалки рядом с бедными районами.	Не будем приводить пример конкретных городов (вопрос этичного представления), но практически в каждом городе вы можете легко посмотреть, что по направлению городской свалки отнюдь не располагаются дорогостоящие виллы.

Источник: составлено авторами.

приватизации общественного пространства (или Закрытые анклавы – таблица 2), ярким примером которого служит практика создания закрытых дворов в рамках новых жилых комплексов. С юридической точки зрения, такая практика вызывает серьезные вопросы, так как жильцы приобретают в собственность исключительно квартиру, в то время как земельный участок под домом, как правило, находится в долевой собственности всех владельцев квартир или в аренде у города. ТERRITORIЯ же двора, по своей сути, является публичным пространством, предназначенным для общего пользования всех граждан, поэтому возводя заборы и вводя пропускной режим, де-факто происходит изъятие части публичного пространства из общего пользования и передача его в частное управление ограниченной группе лиц. Подобная сегрегация порождает ряд негативных последствий для городского пространства в целом – нарушается принцип связности и проницаемости городской ткани, когда пешеходные маршруты, исторически складывавшиеся десятилетиями, оказываются перекрытыми, что вынуждает горожан совершать неоправданные обходы, увеличивает нагрузку на смежные улицы и снижает общую пешеходную доступность. Также такая практика углубляет социальную сегрегацию, создавая физические барьеры между сообществами, когда дети из «закрытого» двора лишены возможности свободно общаться со сверстниками из соседних, «открытых» кварталов, что с детства формирует у них установку на исключительность и изоляционизм. С пространственно-общественной точки зрения, это приводит к обеднению публичной сферы, так как городская

жизнь, ее динамика и разнообразие, рождаются именно в точках пересечения разных социальных потоков. Заборы же убивают эту стихийную консолидацию разных социальных групп, превращая город в конгломерат изолированных сообществ с чёткой экономической дифференциацией.

Другой фундаментальной проблемой является сегрегация городского пространства по доходу, ведущая к формированию резких контрастов в качестве городской среды между разными районами. Отечественный исследователь очень верно отмечает: «...экономически отсталые районы отличает устаревшая малоэтажная, хаотичная застройка, обусловленная отсутствием возможностей населения оплачивать профессиональное строительство и благоустройство, самостоятельное обустройство мест для проживания, непригодность или отсутствие налаженной инфраструктуры» [4, с. 36]. Подобное неравенство имеет кумулятивный характер распространения, когда в элитных кварталах и районах массовой застройки премиум-класса мы наблюдаем не просто более дорогое жилье, но и принципиально иное качество всей окружающей инфраструктуры. Дороги ремонтируются чаще и качественнее, поскольку на них оказывается большее административное давление со стороны более социально влиятельных жителей, магазины представлены сетями премиум-сегмента и бутиками, предлагая более широкий и качественный ассортимент товаров. Парки и скверы лучше благоустроены и охраняются, медицинские и образовательные учреждения часто являются частными или получают лучшее финансирование. В спальных районах массовой застройки эконом-класса и, особенно, в депрессив-

ных промышленных зонах картина диаметрально противоположная, так, например, транспортная доступность оставляет желать лучшего, вынуждая жителей тратить значительную часть времени на изнурительные поездки на работу, социальная инфраструктура – школы, детские сады, поликлиники – хронически перегружена, а ее качество зачастую низкое. Торговая сфера представлена в основном дисконтерами и рынками с небогатым выбором. Общественные пространства, если они вообще есть, не благоустроены и небезопасны: «...наиболее состоятельные, а значит наиболее мобильные граждане стремятся сформировать и зафиксировать социальное пространство, свое место жительства. Постепенно меняется структура элитарных городских районов. Либо происходит вытеснение наиболее «бедных» жителей (например, через риэлторские конторы, скитающие квартиры у малообеспеченных людей в престижных районах, или предоставляемые в обмен квартиры в других районах), уплотнение, а значит смешивание разнородных по составу групп, что увеличивает вероятность рискованных ситуаций» [5, с. 62]. То есть гражданин с низким доходом не только ограничен в финансовых ресурсах, но и системно лишен доступа к качественным городским благам, что создает порочный круг бедности, выбраться из которого практически невозможно. Низкое качество среды усугубляет социальные проблемы, ограничивает возможности для образования и профессионального роста, негативно оказывается на здоровье, тем самым воспроизводя и закрепляя низкий социально-экономический статус из поколения в поколение.

Помимо этих двух ярко выраженных проблем, существует ряд других аспектов экономической сегрегации, заслуживающих внимания, прежде всего, процесс «джентрификации» [6] – реновация и повышение статуса депрессивных городских районов, ведущее к вытеснению коренных, менее обеспеченных жителей, – является классическим примером «мягкого» вытеснения с пространства. При этом с одной стороны, подобная практика приводит к обновлению жилого фонда и оживлению территорий, но с другой – радикально меняет социальный состав района, делая его недоступным для прежних обитателей, которые вынуждены мигрировать на еще более дешевые окраины.

Еще одной мерой сегрегации является транспортная мобильность, так как для обеспеченных горожан доступен весь спектр способов передвижения (личный автомобиль, такси, каршеринг, в ряде случаев – вертолеты или частные самолеты), тогда

как малообеспеченные жители зависят от общественного транспорта, маршруты и качество которого далеко не всегда соответствуют их потребностям, особенно в условиях разрастания городов. Подобная практика создает феномен «транспортного изолятора», когда физическое расстояние до рабочих мест и центров социальной активности превращается в непреодолимый барьер из-за высоких временных и финансовых затрат на проезд.

Символическое измерение сегрегации также играет критически важное значение, когда за районами закрепляются определенные стигмы, которые влияют на жизнь их жителей даже на уровне межличностного общения. Упоминание о проживании в «непrestижном» районе может негативно сказываться при приеме на работу или в иных социальных взаимодействиях. Подобное внутреннее, психологическое разделение горожан подпитывает взаимное недоверие и социальную напряженность в обществе.

Борьба с пространственным неравенством и экономической сегрегацией требует комплексного, научно-обусловленного подхода со стороны городских властей, так как это не только вопросы социальной справедливости, но и факторы, напрямую влияющие на экономическую конкурентоспособность и устойчивость мегаполиса в долгосрочной перспективе. Среди возможных мер можно выделить проведение взвешенной жилищной политики, включающей создание социального и доступного арендного жилья в разных частях города, а не только на окраинах; внедрение принципов «смешанной застройки», сочетающей жилье разной ценовой категории, коммерческую недвижимость и объекты социальной инфраструктуры в рамках одного квартала; ужесточение градостроительного регулирования, препятствующего приватизации общественных пространств и реализацию программ выравнивания бюджетной обеспеченности районов для сокращения разрыва в качестве предоставляемых муниципальных услуг. Без таких целенаправленных усилий по решению этих проблем город рискует окончательно расколоться на враждующие лагеря, что чревато серьезными социальными конфликтами и упадком городской культуры. Проблема закрытых дворов, сегрегации по доходу, джентрификации и транспортной изоляции – это не разрозненные общественные феномены и не частные случаи, а системные признаки современных городских пространств в России, ведущий к распаду социального единства и сплоченности. Противодействие этим тенденциям требует от федеральных, регио-

нальных и городских властей не ситуативных мер, а выработки последовательной и долгосрочной стратегии, нацеленной на создание связного и социально справедливого городского пространства [7]. Ключевыми направлениями такой политики должны стать обеспечение пространственной справедливости через равномерное развитие инфраструктуры, поддержка социального разнообразия в жилой застройке, защита публичного характера общественных пространств и преодоление символических барьеров между районами. Только такой комплексный подход позволит превратить мегаполис из агломерации разрозненных и конкурирующих анклавов в подлинно единый социальный организм, способный обеспечить высокое качество жизни для всех своих жителей, независимо от их социального статуса и уровня дохода [8]. Будущее развития городских пространств зависит от того, насколько успешно мы сможем разрешить это фундаментальное противоречие между экономической эффективностью и социальной справедливостью в пространственной организации наших городов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Пространственное неравенство и экономическая сегрегация являются негативными системными признаками современных мегаполисов, порожденными действием рыночных механизмов, несовершенством градостроительного регулирования и глубоко укорененными социальными практиками. Данные процессы проявляются в самых разных формах – от физического отгораживания территорий заборами до фундаментальных различий в качестве инфраструктуры и доступе к городским благам между центральными, элитными районами и периферийными, депрессивными зонами. Последствия такой фрагментации носят глубоко деструктивный характер для городского сообщества, так как подрывают социальную сплоченность, ограничивают социальную мобильность, воспроизводят и закрепляют бедность, снижают общий уровень человеческого капитала и, в конечном счете, угрожают устойчивому развитию города как единой социально-экономической системы.

Список литературы

1. Вершинина, И. А. Социальное неравенство в современных городах: перспективы урбанистической революции / И. А. Вершинина // Социология города. – 2017. – № 2. – С. 5-19. – EDN ZXHPCR.
2. Харви, Д. Социальная справедливость и город / Дэвид Харви; перевод с английского Е. Ю. Герасимовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2018. – 440 с. – ISBN 978-5-4448-0771-2
3. Сидорова, О. С. Социально-пространственная сегрегация города на примере рынка жилой недвижимости Новосибирска / О. С. Сидорова, Н. Л. Мосиенко // Регион: Экономика и Социология. – 2017. – № 2(94). – С. 308-325. – DOI 10.15372/REG20170215. – EDN ZBIHMV.
4. Гарнага, А. Ф. Зоны социальных рисков и особой социальной опасности в контексте городской сегрегации / А. Ф. Гарнага // Society and Security Insights. – 2018. – Т. 1, № 1. – С. 32-39. – EDN XSSFFR.
5. Михайлов, И. А. Тенденции сегрегации города в России / И. А. Михайлов, Д. Ю. Гаврилова // Вестник социально-политических наук. – 2012. – № 11. – С. 61-69. – EDN QCDECR.
6. Горбачевская, Е. Ю. Нarrативы западной и российской джентрификации: общее и особенное / Е. Ю. Горбачевская // Жилищные стратегии. – 2021. – Т. 8, № 2. – С. 151-170. – DOI 10.18334/zhs.8.2.112240. – EDN BWDDZL.
7. Хохлова, О. М. Идеологические предпосылки общественного согласия в современной России / О. М. Хохлова // Евразийский юридический журнал. – 2024. – № 2(189). – С. 563-566. – EDN LTONXL.
8. Золотарева, О. А. Социализация экономики России в контексте системы координат устойчивого развития / О. А. Золотарева // Human Progress. – 2024. – Т. 10, № 2. – С. 3. – DOI 10.34709/IM.1102.3. – EDN YHEWBW.

References

1. Vershinina, I. A. Social Inequality in Modern Cities: Prospects for an Urban Revolution / I. A. Vershinina // Sociology of the City. – 2017. – № 2. – Pp. 5-19. – EDN ZXHPCR.
2. Harvey, D. Social Justice and the City / David Harvey; translated from English by E. Yu. Gerasimova. – Moscow: New Literary Review, 2018. – 440 p. – ISBN 978-5-4448-0771-2.
3. Sidorova, O. S. Socio-spatial segregation of the city on the example of the Novosibirsk residential real estate market / O. S. Sidorova, N. L. Mosienko // Region: Economy and Sociology. – 2017. – № 2 (94). – Pp. 308-325. – DOI 10.15372/REG20170215. – EDN ZBIHMV.
4. Garnaga, A. F. Zones of social risks and special social danger in the context of urban segregation / A. F. Garnaga // Society and Security Insights. – 2018. – Vol. 1, № 1. – Pp. 32-39. – EDN XSSFFR.
5. Mikhailov, I. A. Trends in urban segregation in Russia / I. A. Mikhailov, D. Yu. Gavrilova // Bulletin of socio-political sciences. – 2012. – № 11. – Pp. 61-69. – EDN QCDECR.
6. Gorbachevskaya, E. Yu. Narratives of Western and Russian gentrification: the general and the specific / E. Yu. Gorbachevskaya // Housing strategies. – 2021. – Vol. 8, № 2. – Pp. 151-170. – DOI 10.18334/zhs.8.2.112240. – EDN BWDDZL.
7. Khokhlova, O. M. Ideological Prerequisites for Public Consensus in Modern Russia / O. M. Khokhlova // Eurasian Law Journal. – 2024. – No. 2(189). – Pp. 563-566. – EDN LTONXL.
8. Zolotareva, O. A. Socialization of the Russian Economy in the Context of the Sustainable Development Coordinate System / O. A. Zolotareva // Human Progress. – 2024. – Vol. 10, No. 2. – P. 3. – DOI 10.34709/IM.1102.3. – EDN YHEWBW.

Информация об авторе

Садыкова Х.Н., кандидат социологических наук, доцент, Тюменский индустриальный университет (г. Тюмень, Российская Федерация).

© Садыкова Х.Н., 2025.

Information about the authors

Sadykova K.N., Ph.D. in Sociology, Associate Professor, Tyumen Industrial University (Tyumen, Russian Federation).

© Sadykova K.N., 2025.